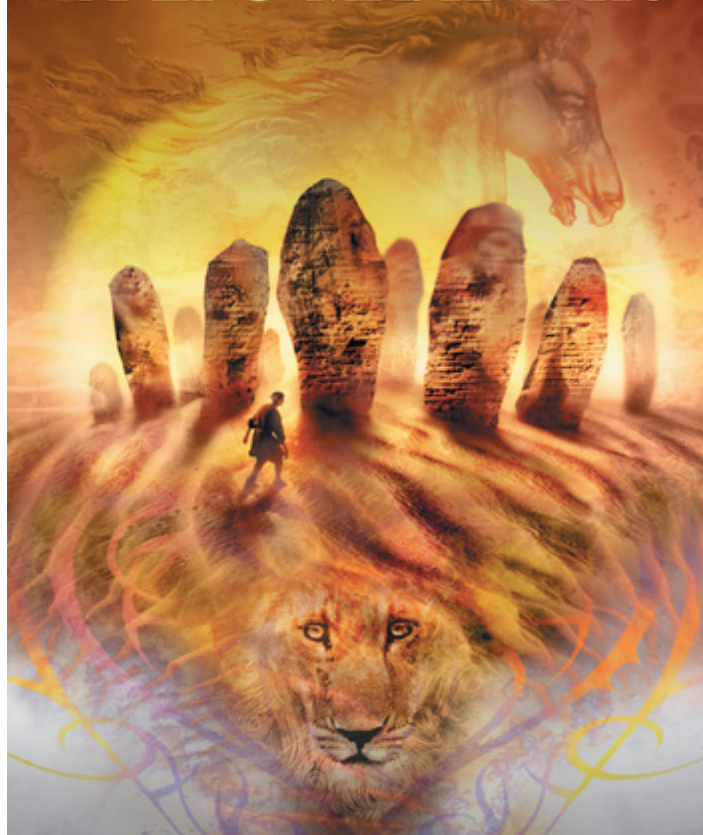

Клайв С. Льюис

КОНЬ И ЕГО МАЛЬЧИК

Клайв Стейплз Льюис
Хроники Нарнии:
Конь и его мальчик
Серия «Хроники Нарнии», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=123229
Конь и его мальчик: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-45455-6

Аннотация

Усыновленный в младенчестве мальчик и украденная лошадь устремились галопом к долгожданной свободе в Нарнию. Нарния – волшебная страна, где лошади разговаривают, а отшельники иногда искренне радуются компании; где злодей превращается в вислоухого осла, а отважный мальчик с чистой душой и открытым сердцем отправляется в бой, и подвиг его будет щедро вознагражден.

Нарния – волшебная страна, где приключение только начинается.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Клайв Льюис

Конь и его мальчик

Посвящается Дэвиду и Дугласу Грэшмам

Глава первая

Побег

Это повесть о событиях, случившихся в Нарнии и к Югу от неё тогда, когда ею правили король Питер и его брат и две

сестры. В те дни далеко на Юге, у моря, жил бедный рыбак по имени Аршиш, а с ним мальчик по имени Шаста, звавший его отцом. Утром Аршиш выходил в море ловить рыбу, а днём запрягал осла, клал рыбу в повозку и ехал в ближайшую деревню торговать. Если он выручал много, он возвращался в добром духе и Шасту не трогал; если выручал мало, придирался, как только мог, и даже бил мальчика. Придраться было нетрудно, Шаста делал по дому всё – стирал и чинил сети, стряпал и убирал.

Шаста никогда не думал о том, что лежит от них к Югу; он бывал с Аршишем в деревне, и ему там не нравилось. Он видел точно таких людей, как его отец, – в грязных длинных одеждах, сандалиях и тюрбанах, с грязными длинными бородами, медленно толковавших об очень скучных делах. Зато его живо занимало всё, что лежит к Северу; но туда его не пускали. Чиня на пороге сети, он с тоской глядел на Север, но видел только склон холма, небо и редких птиц.

Когда Аршиш сидел дома, Шаста спрашивал: «Отец, что там, за холмом?» Если Аршиш сердился, он драл его за уши, если же был спокоен, отвечал: «Сын мой, не думай о пустом. Как сказал мудрец, прилежание – корень успеха, а те, кто задаёт пустые вопросы, ведут корабль глупости на рифы неудачи».

Шасте казалось, что за холмом – какая-то дивная тайна, которую отец до поры скрывает от него. На самом же деле рыбак говорил так, ибо не знал, да и знать не хотел, какие

земли лежат к Северу. У него был практический ум.

Однажды с Юга прибыл незнакомец, совсем иной, чем те, кого видел Шаста до сих пор. Он сидел на прекрасном коне, и седло его сверкало серебром. Сверкали и кольчуга, и острие шлема, торчащее над тюрбаном. На боку его висел ятаган, спину прикрывал медный щит, в руке было копье. Незнакомец был тёмн лицом, но Шаста привык к темнолицым, удивило его иное: борода, выкрашенная в алый цвет, вилась кольцами и лоснилась от благовоний. Аршиш понял, что это – тархан, то есть вельможа, и склонился до земли, незаметно показывая Шасте, чтобы и тот преклонил колени.

Незнакомец попросил ночлега на одну ночь, и Аршиш не посмел отказать ему. Все лучшее, что было в доме, хозяин поставил перед ним, а мальчику (так всегда бывало, когда приходили гости) дал кусок хлеба и выгнал во двор. В таких случаях Шаста спал с ослом, в стойле; но было ещё рано и, поскольку никто никогда не говорил ему, что нельзя подслушивать, он сел у самой стены.

– О хозяин! – промолвил тархан. – Мне угодно купить у тебя этого мальчика.

– О господин мой! – отвечал рыбак, и Шаста угадал по его голосу, что глазки у него блеснули. – Как продам я, твой верный раб, своего собственного сына? Разве не сказал поэт: «Сильна, как смерть, отцовская любовь, а сыновняя дороже, чем алмазы»?

– Возможно, – сухо выговорил тархан, – но другой поэт говорил: «Кто хочет гостя обмануть – подлее, чем гиена». Не оскверняй ложью свои уста. Он тебе не сын, ибо ты тёмн лицом, а он светел и бел, как проклятые, но прекрасные нечестивцы с Севера.

– Дивно сказал кто-то, – отвечал рыбак, – что око мудрости острее копья! Знай же, о мой высокородный гость, что я, по бедности своей, никогда не был женат. Но в год, когда Тисрок (да живет он вечно) начал своё великое и благословенное царствование, в ночь полнолуния, боги лишили меня сна. Я встал с постели и вышел поглядеть на луну. Вдруг слышался плеск воды, словно кто-то грёб вёслами, и сла-

бый крик. Немного позже прилив прибил к берегу маленькую лодку, в которой лежал иссушённый голодом человек. Должно быть, он только что умер, ибо он ещё не остыл, а рядом с ним был пустой сосуд и живой младенец. Вспомнив о том, что боги не оставляют без награды доброе дело, я прослезился, ибо раб твой мягкосердечен, и...

– Не хвали себя, – прервал его тархан. – Ты взял младенца, и он отработал тебе вдесятеро твою скудную пищу. Теперь скажи мне цену, ибо я устал от твоего пусторечия.

– Ты мудро заметил, господин, – сказал рыбак, – что труд его выгоден мне. Если я продам этого отрока, я должен купить или нанять другого.

– Даю тебе пятнадцать полумесяцев, – сказал тархан.

– Пятнадцать! – взвыл Аршиш. – Пятнадцать монет за усладу моих очей и опору моей старости! Не смейся надо мною, я сед. Моя цена – семьдесят полумесяцев.

Тут Шаста поднялся и тихо ушёл. Он знал, как люди торгуются. Он знал, что Аршиш выручит за него больше пятнадцати монет, но меньше семидесяти и что спор протянется не один час.

Не думайте, что Шаста чувствовал то самое, что почувствовали бы вы, если бы ваши родители решили вас продать. Жизнь его была не лучше рабства, и тархан мог оказаться добрее, чем Аршиш. К тому же он очень обрадовался, узнав свою историю. Он часто сокрушался прежде, что не может любить рыбака, и когда понял, что тот ему чужой, с души его

упало тяжкое бремя. «Наверное, я сын какого-нибудь тархана, – думал он, – или Тисрока (да живет он вечно), а то и божества!»

Так думал он, стоя перед хужиной, а сумерки сгущались, и редкие звёзды уже сверкали на небе, хотя у заднего края оно отливало багрянцем. Конь пришельца, привязанный к столбу, мирно щипал траву. Шаста погладил его по холке, но конь не обратил внимания.

И Шаста подумал: «Кто его знает, какой он, этот тархан!»
– Хорошо, если он добрый, – продолжал он вслух. – У некоторых тарханов рабы носят шёлковые одежды и каждый день едят мясо. Может быть, он возьмет меня в поход, и я спасу ему жизнь, и он освободит меня, и усыновит, и подарит дворец... А вдруг он жестокий? Тогда он закуёт меня в цепи. Как бы узнать? Конь-то знает, да не скажет.

Конь поднял голову, и Шаста погладил его шёлковый нос.
– Ах, умел бы ты говорить! – воскликнул он.
– Я умею, – тихо, но внятно отвечал конь.
Думая, что это ему снится, Шаста всё-таки крикнул:
– Быть того не может!
– Тише! – сказал конь. – На моей родине есть говорящие животные.

– Где это? – спросил Шаста.

– В Нарнии, – отвечал конь.

– Меня украли, – рассказывал конь, когда оба они успоко-

ились. – Если хочешь, взяли в плен. Я был тогда жеребёнком, и мать запрещала мне убегать далеко к Югу, но я не слушался. И поплатился же я за это, видит Лев! Много лет я служу злым людям, притворяясь тупым и немым, как их кони.

– Почему же ты им не признаёшься?

– Не такой я дурак! Они будут показывать меня на ярмарках и сторожить ещё сильнее. Но оставим пустые беседы. Ты хочешь знать, каков мой хозяин Анрадин. Он жесток. Со мной – не очень, кони дороги, а тебе, человеку, лучше умереть, чем быть рабом в его доме.

– Тогда я убегу, – сказал Шаста, сильно побледнев.

– Да, беги, – сказал конь. – Со мною вместе.

– Ты тоже убежишь? – спросил Шаста.

– Да, если ты тоже убежишь, – сказал конь. – Тогда мы, может быть, и спасёмся. Понимаешь, если я буду без всадника, люди увидят меня и скажут: «У него нет хозяина» – и погонятся за мной. А с всадником – другое дело... Вот и помоги мне. Ты ведь далеко не уйдёшь на этих дурацких ногах (ну и ноги у вас, людей!), тебя поймают. Умеешь ты ездить верхом?

– Конечно, – сказал Шаста. – Я часто езжу на осле.

– На чём? Ха-ха-ха! – презрительно усмехнулся конь (во всяком случае, хотел усмехнуться, а вышло скорее «го-го-го!...», у говорящих коней лошадиный акцент сильнее, когда они не в духе). – Да, – продолжал он, – словом, не умеешь. А падать хотя бы?

– Падать умеет всякий, – отвечал Шаста.

– Навряд ли, – сказал конь. – Ты умеешь падать, и вставать, и, не плача, садиться в седло, и снова падать, и не бояться?

– Я... постараюсь, – сказал Шаста.

– Бедный ты, бедный, – гораздо ласковей сказал конь, – всё забываю, что ты – детёныш. Ну ничего, со мной научишься! Пока эти двое спорят, будем ждать, а заснут – тронемся в путь. Мой хозяин едет на Север, в Ташбаан, ко двору Тисрока.

– Почему ты не прибавил «да живет он вечно»? – испугался Шаста.

– А зачем? – спросил конь. – Я свободный гражданин Нарнии. Мне не пристало говорить, как эти рабы и недоумки. Я не хочу, чтобы он вечно жил, и знаю, что он умрёт, чего бы ему ни желали. Да ведь и ты свободен, ты – с Севера. Мы с тобой не будем говорить на их манер! Ну, давай обсуждать наши планы. Я уже сказал, что мой человек едет на Север, в Ташбаан.

– Значит, нам надо ехать к Югу?

– Нет, – сказал конь. – Если бы я был нем и глуп, как здешние лошади, я побежал бы домой, в своё стойло. Дворец наш – на Юге, в двух днях пути. Там он и будет меня искать. Ему и не догадаться, что я двинусь к Северу. Скорее всего, он решит, что меня украли.

– Ура! – закричал Шаста. – На Север! Я всегда хотел его

увидеть.

– Конечно, – сказал конь, – ведь ты оттуда. Я уверен, что ты хорошего северного рода. Только не кричи. Скоро они заснут.

– Я лучше посмотрю, – сказал Шаста.

– Хорошо, – сказал конь. – Только поосторожней.

Было совсем темно и очень тихо, одни лишь волны плескались о берег, но этого Шаста не замечал, он слышал их день и ночь, всю жизнь. Свет в хижине погасили. Он прислушался, ничего не услышал, подошёл к единственному окошку и различил секунды через две знакомый храп. Ему стало смешно: подумать только, если всё пойдёт как надо, он больше никогда этих звуков не услышит! Стараясь не дышать, он немножко устыдился, но радость была сильнее стыда. Тихо пошёл он по траве к стойлу, где был ослик, – он знал, где лежит ключ, отпер дверь, отыскал седло и уздечку: их спрятали туда на ночь.

Потом поцеловал ослика в нос и прошептал: «Прости, что мы тебя не берём».

– Пришёл наконец! – сказал конь, когда он вернулся. – Я уже гадал, что с тобой случилось.

– Я доставал твои вещи из стойла, – ответил Шаста. – Ты не скажешь, как их приладить?

Потом довольно долго он их прилаживал, стараясь ничем не звякнуть. «Тут потуже, – говорил конь. – Нет, вот здесь. Подтяни ещё». Напоследок он сказал:

– Вот смотри, это поводья, но ты их не трогай. Приспособь их посвободней к луке седла, чтобы я двигал головой, как хотел. И главное, не трогай.

– Зачем же они тогда? – спросил Шаста.

– Чтобы меня направлять, – отвечал конь. – Но сейчас выбирать дорогу буду я, тебе их трогать ни к чему. А ещё – не вцепляйся мне в гриву.

– За что же мне держаться? – снова спросил Шаста.

– Сжимай крепче колени, – сказал конь. – Тогда и научишься хорошо ездить. Сжимай мне коленями бока сколько хочешь, а сам сиди прямо и локти не растопыривай. Что ты там делаешь со шпорами?

– Надеваю, конечно, – сказал Шаста. – Уж это я знаю.

– Сними их и положи в перемётную суму. Продадим в Ташбаане. Снял? Ну, садись в седло.

– Ох, какой ты высокий! – с трудом выговорил Шаста после первой неудачной попытки.

– Я конь, что поделаешь, – сказал конь. – А ты на меня лезешь, как на стог сена. Вот так получше! Теперь *распря-мись* и помни насчёт коленей. Смешно, честное слово! На мне скакали в бой великие воины, и дожил я до такого мешка! Что ж, поехали. – И он засмеялся, но не сердито.

Конь превзошёл себя, так он был осторожен. Сперва он пошёл на Юг, старательно оставляя следы на глине, и начал переходить вброд речку, текущую в море, но на самой её середине повернул и пошёл против течения. Потом он вышел

на каменистый берег – там следов не оставишь – и долго двигался шагом, пока хижина, стойло, дерево – словом всё, что знал Шаста, – не растворилось в серой мгле июльской ночи. Тогда Шаста понял, что они уже на вершине холма, отделявшего от него мир. Он не мог толком разобрать, что впереди – как будто и впрямь весь мир, очень большой, пустой, бесконечный.

– Ах, – обрадовался конь, – самое место для галопа!

– Ой, не надо! – сказал Шаста. – Я ещё не могу... пожалуйста, конь! Да, как тебя зовут?

– И-йо-го-го-га-га-га-а!..

– Мне не выговорить, – сказал Шаста. – Можно я буду звать тебя Игого?

– Что ж, зови, если иначе не можешь, – согласился конь. – А тебя как называть?

– Шаста.

– Да... Вот это и впрямь не выговоришь. А насчет галопа ты не бойся, он легче рыси, не надо подниматься-опускаться. Сожми меня коленями (это называется шенкеля) и смотри прямо между ушей. Только не гляди вниз! Если покажется, что падаешь, сожми сильнее, выпрями спину. Готов? Ну, во имя Нарнии!..

Глава вторая

Первое приключение

Солнце стояло высоко, когда Шаста проснулся, ибо что-то тёплое и влажное прикоснулось к его щеке.

Открыв глаза, он увидел длинную конскую морду, вспомнил вчерашние события, сел и громко застонал.

– Ой, – еле выговорил он, – всё у меня болит. Всё как есть. Еле двигаюсь.

– Здравствуй, маленький друг, – сказал конь. – Ты не бойся, это не от ушибов, ты и упал-то раз десять, и всё на траву. Даже приятно... Правда, один раз ты отлетел далеко, но

угодил в куст. Словом, это не ушибы, так всегда бывает поначалу. Я уже позавтракал. Завтракай и ты.

– Какой там завтрак! – сказал Шаста. – Говорю же, я двигаться не могу.

Но конь не отставал; он трогал несчастного и копытом, и мордой, пока тот не поднялся на ноги, а поднявшись – не огляделся. Оттуда, где они ночевали, спускался пологий склон весь в белых цветочках. Далеко внизу лежало море – так далеко, что едва доносился всплеск волн. Шаста никогда не смотрел на него сверху и не представлял, какое оно большое и разноцветное. Берег уходил направо и налево, белая пена кипела у скал, день был ясный, солнце сверкало. Особенно поразил Шасту здешний воздух. Он долго не мог понять, чего же не хватает, пока не догадался, что нету главного – запаха рыбы. (Ведь там – и в хижине, и у сетей – рыбой пахло всегда, сколько он себя помнил.) Это ему очень понравилось, и прежняя жизнь показалась давним сном. От радости он забыл о том, как болит всё тело, и спросил:

– Ты что-то сказал насчет завтрака?

– Да, – ответил конь, – посмотри в сумках. Ты их повесил на дерево ночью... нет, скорей под утро.

Он посмотрел и нашёл много хорошего: совсем свежий пирог с мясом, кусок овечьего сыра, горстку сушёных фиг, плоский сосудец с вином и кошелек с деньгами. Столько денег – сорок полумесяцев – он никогда ещё не видел.

Потом он осторожно сел у дерева, прислонился спиной к

стволу и принялся за пирог; конь тем временем пощипывал травку.

– А мы можем взять эти деньги? – спросил Шаста. – Это не воровство?

– Как тебе сказать, – отвечал конь, прожёвывая траву. – Конечно, свободные говорящие звери красть не должны, но это... Мы с тобой бежали из плена, мы – в чужой земле, деньги – наша добыча. И потом, без них не прокормишься. Насколько мне известно, вы, люди, не едите травы и овса.

– Не едим.

– А ты пробовал?

– Да, бывало. Нет, не могу. И ты бы не мог на моём месте.

– Странные вы твари, – заметил конь.

Пока Шаста доедал лучший завтрак в своей жизни, друг его сказал: «Покатаюсь-ка, благо – без седла!...» Лег навзничь и стал кататься по земле, приговаривая:

– Ах, хорошо! Спину почешешь, ногами помашешь. Покатайся и ты, сразу легче станет.

Но Шаста засмеялся и сказал:

– Какой ты смешной!

– Ничего подобного! – ответил конь, но тут же лёг на бок и испуганно прибавил: – Неужели смешной?

– Да, – отвечал Шаста. – Ну и что?

– А вдруг говорящие лошади так не делают? – перепугался конь. – Вдруг эта глупая, *здешняя* привычка? Какой ужас! Прискачу в Нарнию, и окажется, что я не умею себя вести.

Как ты думаешь, Шаста? Нет, честно. Я не обижусь. Настоящие, свободные кони... говорящие... они катаются?

– Откуда же мне знать? Да ты не бойся! Приедем – увидим. Ты знаешь дорогу?

– До Ташбаана – знаю. Потом дороги нет, там большая пустыня. Ничего, одолеем! Нам будут видны горы, ты подумай – северные горы! За ними Нарния! Только бы пройти Ташбаан! От остальных городов надо держаться подальше.

– Обойти его нельзя?

– Тогда придётся сильно кружить, боюсь заплутаться. В глубине страны – большие дороги, возделанные земли... Нет, пойдем вдоль берега. Тут нет никого, кроме овец, кроликов и чаек, разве что пастух-другой. Что ж, тронемся?

Шаста оседлал коня и с трудом сел в седло, ноги у него болели, но Игого сжалился над ним и до самых сумерек шёл шагом. Когда уже смеркалось, они спустились по тропкам в долину и увидели селение. Шаста спешился и купил там хлеба, лука и редиски, а конь, обогнув селение, остановился дальше, в поле. Через два дня они снова так сделали, и через четыре – тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.